

РОЗА ПУСТЫНИ

Владимир Анин

Владимир Анин

Роза пустыни

«Автор»

2009

Анин В.

Роза пустыни / В. Анин — «Автор», 2009

ISBN 978-5-532-99543-7

Он русский офицер. Бывший. Но все знают, что "бывших" не бывает. И он в очередной раз доказывает это, не раздумывая отправившись в опасное путешествие на поиски чуда, которое может излечить его жену от смертельного недуга. Даже если это чудо – всего лишь легенда...

ISBN 978-5-532-99543-7

© Анин В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роза пустыни

Глава 1

– Захар, ты дома?

Евдокия прикрыла входную дверь, опустила на пол сумки с продуктами и, сбросив кажущиеся такими тяжёлыми туфли, сунула уставшие ноги в мягкие розовые тапочки.

– Дома, – донеслось из глубины квартиры.

Евдокия подняла сумки и прошла на кухню.

– Опять, небось, не обедал? А накурил-то! – Она помахала рукой в воздухе и укоризненно покачала головой. – Ну сколько ты ещё будешь терзать себя?

– Не могу я так, Дуняша. – Захар встал с табурета и обнял жену. – Не привык я к такой жизни. Тяжко мне.

– Знаю, Захарушка. Но что делать? Придётся привыкнуть.

– Как? Уже, считай, два года как со службы уволился, а всё не привыкну. – Он провёл раскрытой пятернёй по жёсткому сидящему ёжику на голове и отчаянно махнул рукой. – Не по мне всё это!

– Работу тебе надо найти хорошую, – погладив мужа по плечу, произнесла Евдокия.

– Какую работу? – едва заметно вспыхнул Захар. – Я уже и так две сменил.

– А зачем сменил? Работал бы себе и работал.

– Зачем? Дуня, я же боевой офицер, а не охранник! Не могу я тупым сиднем сидеть сутками напролёт и сторожить непонятно что непонятно от кого.

– Но ведь люди как-то приспособляются.

– То люди, а то – я. Какая у меня фамилия? Трутень! Трутень я до мозга костей. Служить могу, а работать... Ох, не знаю, не знаю. Долго ли я так продержусь?

– А ты насчёт той, новой, работы ходил узнавать? – не сдавалась Евдокия.

– Да ходил. То же самое, опять охрана.

– А зарплата?

– Зарплата неплохая, поболее прежней будет. Вот только не по мне работа эта, Дуняша, ты же меня знаешь.

– Знаю, Захарушка. Значит, ты не пойдёшь туда? – с грустью спросила Евдокия.

– Как не пойти? Пойду, конечно. Куда я денусь-то? Не могу же я у тебя постоянно на шее сидеть! – вздохнул Захар, вновь опускаясь на табурет.

– Что ты такое говоришь! Не сидишь ты вовсе у меня на шее. Ты по дому хозяйничаешь, а моей зарплаты нам на жизнь хватает, – попыталась успокоить Захара жена, но в голосе её чувствовалась радость, оттого что Захар решил-таки выйти на работу.

Уже, почитай, два месяца дома сидит, извёлся весь. Негоже мужику без работы, хотя и взял он на себя все домашние дела: стирку, уборку, готовку. Да разве будет счастлив он на бабском посту? И ему не вмоготу, и жену изводит. Нет уж, пусть отправляется работать. Хоть куда! Главное, чтобы снова хозяином и кормильцем себя почувствовал.

– Да сколько ты там в своей школе получаешь, училка? – улыбнулся Захар.

– Очень даже неплохо получаю, – обняв его голову, отвечала Евдокия. – Нам прибавку недавно сделали.

– Ладно, всё, не спорь! – обрубил Захар, хотя Евдокия вовсе и не собиралась спорить. – Ужинать будешь? Я котлеты пожарил, макаронки сварил.

– Конечно, буду! – Она чмокнула его в щёку. – Сейчас только переоденусь и руки помою.

Через несколько минут Евдокия, одетая в кокетливый шёлковый халатик, уже садилась за небольшой кухонный стол. Надо сказать, что в свои сорок пять лет выглядела она потряса-

юще. Главный постулат её жизни: женщина в любом возрасте должна оставаться женщиной – обязывал Евдокию тщательно следить за собой, невзирая на сложности, частенько случавшиеся в её жизни: материальное неблагополучие, служебные проблемы мужа, физические перегрузки, непростые, особенно в последнее время, взаимоотношения с дочерью. Много трудностей выпало на долю этой хрупкой женщины. Её нельзя было назвать красавицей, но она была так мила и обаятельна, что окружающие в ней души не чаяли. В особенности – муж. Он просто боготворил её. Крепкий, здоровый мужчина, немного грубоватый – отпечаток профессии, – с женой он был предельно нежен и терпелив. Ну, что касается последнего, то здесь, правда, можно поспорить. Нет-нет, да и сорвётся, бывало, Захар, иной раз даже нагрубит. Но сразу опомнится и прощения попросит. Поэтому ссор как таковых в этой семье практически не было. А прожили они вместе уже четверть века. Евдокия тоже души в муже не чаяла. Редкие вспышки и случайные грубости прощала, а чаще даже не замечала их, ибо Захар был для неё больше чем муж и любимый мужчина. Что такое «больше», она и сама не знала и словами выразить не могла, но чувствовала это совершенно определённо.

А с дочерью действительно возникли проблемы, причём уже давно. Ещё учась в школе, стала она потихоньку, незаметно отдаляться от родителей. Это очень печалило отца и страшно пугало мать. Евдокия отчаянно молилась, чтобы только дочь не попала в дурную компанию, не пристрастилась к выпивке и тем паче к наркотикам. Лиза, в отличие от матери обладающая сногшибательной красотой и дьявольской сексуальностью, стала душой компании и признанной любимицей богатеньких сибаритов. Первый сексуальный опыт случился у неё довольно рано, ещё в школе, после чего молодой человек преподнёс ей золотое колечко. Лиза подарочек схоронила до поры до времени, а сама смекнула, что с её природными данными в этой жизни можно неплохо устроиться. Ухажёр продолжал осыпать её подарками, которые Лиза аккуратно складывала в шкапулку, спрятанную в глубине гардероба.

Поступив в университет, она продолжала оставаться в центре мужского внимания, однако стала более избирательна. У неё появился новый мальчик, который оказался богаче своего предшественника, потом ещё один, и ещё. Но окончательно её выбор пал на красавца-предпринимателя, по имени Антон, с которым она познакомилась в ночном клубе. У него была собственная обувная фабрика, и Лиза, поразмыслив, пришла к выводу, что гоняться за миллиардерами дело неблагодарное. И сколько ещё подобная гонка может продолжаться? А потому, следуя старой поговорке, она предпочла синицу в руках и вышла замуж за Антона. Мнением родителей она даже не поинтересовалась, ибо вообще не интересовалась их жизнью, считая своего отца неудачником, а мать – вообще ничего не смыслящей в этой жизни женщиной...

Захар поставил перед Евдокией тарелку с ароматно дымящимися котлетами, затем обслужил себя и сел напротив жены.

– М-м, вкусно! – воскликнула Евдокия, попробовав мужнину стряпню.

Впрочем, он всегда готовил восхитительно, тем не менее она каждый раз считала своим долгом похвалить его.

– Что у тебя на работе? – поинтересовался Захар.

– Всё то же, ничего нового, – со вздохом отвечала Евдокия. – Каждый учебный год похож на предыдущий. Одни ребята взрослеют, им не смену приходят другие. Вот только отношение к учёбе меняется, и, к сожалению, не в лучшую сторону. Я вспоминаю, с какой жадностью дети раньше впитывали в себя знания. А сегодня им стало это неинтересно. На уроках откровенно скучают, занимаются кто чем хочет. Ведь география такой интересный предмет! А у них на уме только компьютерные игры да гулянки.

– Может, вы стали хуже их учить? – предположил Захар, отправляя в рот большой кусок котлеты.

– Ну что ты! Учим так же, как учили десять и двадцать лет назад.

– Вот-вот! А нужно по-другому. Ведь сегодня жизнь не та, что раньше. Значит, нужно искать новые подходы.

– А ты думаешь, мы не ищем? Постоянно этим занимаемся. Только эта новая жизнь радикально переменяла их интересы. Большинство сейчас с рождения живёт в достатке. Даже те, кто считает себя бедными, имеют всё то, о чём мы в своём детстве могли только мечтать.

– Да-а, – протянул Захар. – Зажрались.

– Ну, я бы не стала так уж резко...

– Да ладно, называй вещи своими именами. Зажрались – значит, зажрались. А во всём виноваты родители. Воспитанию детей никакого внимания не уделяют, и вот результат.

– У нас с тобой, Захарушка, в этом вопросе тоже не всё гладко сложилось, – осторожно заметила Евдокия.

– Даже не напоминай мне о ней! – неожиданно резко крикнул Захар и грохнул ладонью по столу так, что макароны выпрыгнули из тарелки.

– Да я просто так, – испуганно заморгав, произнесла Евдокия. – Но ведь это правда, что с Лизонькой мы где-то просчитались.

– Правда, – вздохнул Захар и, посмотрев на жену, добавил: – Извини.

Некоторое время они ели молча. Затем Захар поднялся и включил чайник.

– Ты к врачу ходила?

– Ходила, – неуверенно ответила Евдокия.

– И что?

Захар пристально посмотрел на неё и во всём её облике, в неожиданно сгорбившейся фигуре прочитал какой-то испуг, какую-то недоговорённость, будто жена боялась ему в чём-то признаться. Захар насторожился и повторил свой вопрос.

– Ну... они сказали, что это всё неточно, что всё может измениться. Надо ещё понаблюдаться...

– Да говори же ты толком!

– В общем, диагноз подтвердился, и они... ничего не могут сделать.

Евдокия неожиданно расплакалась. Захар растерянно поглядел на плачущую жену и, подойдя к ней, обнял и принялся утешать.

– Ну, что ты, что ты! Успокойся. Может, они действительно ошиблись?

– Дважды нельзя ошибиться.

И она зарыдала в голос.

– Не верю! Не верю! – вскричал Захар. – Мы найдём другого врача. Ведь должен быть выход! Я тебе обещаю, только не плачь, любимая!

Остаток дня и весь следующий день Захар провёл на телефоне. Рано утром Евдокия ушла на работу, а Захар, вооружившись записной книжкой, обзванивал друзей, знакомых и просто людей, чьи телефоны попадались ему на глаза, с одной единственной целью – спросить совета, не сможет ли кто-нибудь помочь найти хорошего врача. Но всё безуспешно, казалось, никто и никогда ничем не болел и даже слухом не слыхивал ни о каких врачах. В конце концов, один бывший сослуживец, тоже пенсионер, порекомендовал обратиться в военный госпиталь, к которому Захар был прикреплён пожизненно, и якобы члены семьи бывшего военнослужащего тоже могли пользоваться услугами этого госпиталя.

Захар ухватился за этот шанс, как утопающий за соломинку, и твёрдо решил уговорить Евдокию поехать с ним в госпиталь. В тот же вечер он объявил об этом жене. Поначалу она принялась возражать, но Захар был настойчив, и Евдокия в конце концов уступила.

Захар отправился в госпиталь, который располагался неподалёку от станции метро «Кропоткинская» и, разузнав все подробности, записал Евдокию на приём к врачу.

Через несколько дней они поехали туда вместе.

В длинном коридоре было пустынно и тихо, лишь вдалеке сидели два старика и вполголоса о чём-то оживлённо беседовали. Захар усадил Евдокию на противно поскрипывающий, обитый зелёным дерматином стул, а сам стал расхаживать взад-вперёд по коридору. Время от времени он шумно вздыхал и нетерпеливо поглядывал на часы. Яркий свет неоновых ламп и томительное ожидание раздражали его, но он старался держать себя в руках.

Наконец дверь кабинета приоткрылась, неподвижное, словно маска, лицо медсестры выглянуло в коридор и ледяным голосом произнесло:

– Трутень, проходите.

Евдокия поднялась и направилась к кабинету. Захар бросился было за ней.

– Мужчина, а вы куда? – нахмурилась медсестра.

– Я с ней! – с жаром произнёс Захар.

– Обождите здесь.

Она кивнула на стул в коридоре и, пропустив Евдокию, закрыла дверь перед самым носом у Захара.

Трутень ударил кулаком правой руки о ладонь левой, матюгнувшись шёпотом и с размаху опустился на стул. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем дверь кабинета вновь отворилась и из неё вышла Евдокия с целым ворохом бумаг в руках.

– Что он сказал? – бросился Захар к жене.

– Вот, – она махнула у него перед лицом стопкой направлений, – анализы, обследования... Я так устала от всего этого!

– Надо, Дуняша, надо. Ты же понимаешь, что это необходимо.

– Понимаю, – вздохнула Евдокия.

– Ну, тогда пошли...

В течение недели, пока Евдокия сдавала всевозможные анализы и проходила бесконечные обследования, Захар неотступно сопровождал жену и терпеливо ждал её у кабинетов, каждый раз задавая ей один и тот же вопрос: «Ну как?».

В какой-то момент она даже рассердилась на него:

– Что ты всё спрашиваешь? Ты же знаешь, результат будет известен только после всех обследований.

– Прости, Дуняша, я... я просто беспокоюсь за тебя.

– И поэтому мучаешь меня?

– Да Бог с тобой! Я просто думал, вдруг они тебе уже что-то сказали?

– Что они могут сказать, Захар?

– Ну, я не знаю. Лечение какое-нибудь назначить.

– Лечение может назначить только лечащий врач.

– Я понимаю, но...

– А раз понимаешь, прекрати все эти никчёмные расспросы и наберись терпения. Пойдём лучше прогуляемся по набережной.

Они спустились по бульвару к Кропоткинской площади. Захар уже в который раз с надеждой и благоговением посмотрел на величественное здание Храма Христа Спасителя и помолился про себя. Он был крещёным, как и многие. Но опять-таки как и многие, был слабо знаком с церковной культурой и совсем не знал молитв, а потому молился, как умел, своими словами, просто перебирая по памяти всех святых, прося о помощи Господа и Пресвятую Деву. Ему очень хотелось верить, что Бог услышит его молитвы и обязательно поможет. Поможет его жене Дуняше, самому дорогому человеку на Земле...

Однако Бог не услышал его молитвы, или же Захар просто плохо молился. Но результаты обследования оказались самыми удручающими, а приговор врачей суровым и беспощадным. При условии соблюдения всех предписаний Евдокии оставалось жить от силы полгода.

– Доктор, – дрожащим от волнения и негодования голосом спросил Захар, – неужели... неужели ничем нельзя помочь? Но ведь должно же быть что-то!

– Увы! – развёл руками пожилой седовласый эскулап. – Я как врач вам заявляю, что медицина тут бессильна. Вашей супруге может помочь только чудо, а чудес, как известно, на свете не бывает. Мне искренне жаль.

По дороге домой они не проронили ни слова. Дома Евдокия закрылась в спальне и тихонько плакала, а Захар метался по квартире, рыча и воя, как раненый зверь. Ворвавшись в кухню, он бросился к холодильнику и вытащил початую бутылку водки, там ещё оставалось больше половины. Недолго думая, залпом осушил её прямо из горлышка. Поначалу он даже ничего не почувствовал, словно пил не водку, а простую воду. Но уже через десять минут алкоголь сделал своё дело. Захар захмелел и немного остыл.

Алкоголь всегда действовал на него успокаивающе. Он не понимал, почему других после водки тянет на подвиги. Захару просто хотелось спать. Обычно он вставал из-за стола и незаметно отправлялся в спальню. А если это происходило где-нибудь в гостях, находил укромное местечко и спокойно передавал своё тело из рук Бахуса в объятия Морфея.

Обычно так и случалось. Но не сейчас. О каком сне могла идти речь? Сердце разрывалось от отчаяния, от бессилия и какой-то тупой обречённости. Он долго сидел, глядя перед собой, а потом резко поднялся и пошёл в спальню. Евдокия уже не плакала. Сидела на кровати, поджав под себя ноги и обхватив плечи руками. Она посмотрела на мужа, и во взгляде её читалась отчаянная мольба.

– Дуняша, – дрожащим голосом произнёс Захар, – если помочь тебе может только чудо – обещаю, я достану это чудо. Достану, во что бы то ни стало!

Глава 2

Наутро Захар, как обычно, проводил Евдокию на работу, а сам, надев костюм, позвонил в дверь соседу. Карен Саркисян был рядовым предпринимателем, однако за последние пятнадцать лет успел перепробовать себя как минимум в десяти различных ипостасях: торговал итальянской обувью, содержал оптовый склад индийских тканей, дважды открывал небольшие ресторанчики в разных частях Москвы, организовывал туристическое бюро и даже создавал маленький банк, который, как и большинство его проектов, благополучно прогорел. Однако благодаря такой бурной деятельности Карен обзавёлся многочисленными связями, знал всё обо всём и имел высокий авторитет в глазах Захара.

Трутень надеялся застать Карена дома, ибо тот раньше полудня на работу никогда не уходил. И оказался прав.

– Захар-джан, дорогой! Проходи! Какой сюрприз! – воскликнул Саркисян, открыв дверь.

Он был одет в красный с золотыми узорами домашний халат, из-под которого виднелась салатового цвета шёлковая пижама. Надетые на босу ногу меховые тапочки говорили о том, что обладатель их, по всей видимости, только что встал с постели, хотя на часах уже было около десяти. Но Захар не собирался оценивать привычки соседа и, с благодарностью приняв приглашение, шагнул в роскошную, заставленную бесконечными коробками квартиру.

– Чем обязан дорогому гостю? – поинтересовался Саркисян, прикрывая дверь. – Да ты не стесняйся, проходи в комнату, у меня тут беспорядок небольшой. Сам понимаешь: шмотки-колготки. Проходи, проходи, не стой как в гостях. Не чужой ведь!

Захар прошёл в комнату, в которой порядка чувствовалось не больше, чем в прихожей, однако место для гостей – стеклянный журнальный столик в окружении двух бордовых кресел – всегда было наготове. Даже непочатая бутылка коньяка, будто специально приготовленная для неожиданного гостя.

– Присаживайся, Захар-джан, рассказывай, что такое у тебя стряслось?

– С чего ты решил, будто у меня что-то стряслось? – поинтересовался Захар, опускаясь в приветливые объятия плюшевого кресла.

– Ты посмотри на себя – у тебя на лице написано: Карен-джан, у меня беда, помоги, как можешь!

– Да ты психолог, Каренчик!

– Конечно, психолог! Бизнесмен должен быть психологом, а хороший бизнесмен – хорошим психологом. Ты знаешь, сколько я людей за день встречаю? И к каждому подход нужен, особенный. Каждый хочет, чтобы к нему особенно подходили: одного выслушать надо, другому, наоборот, рассказать что-то умное, но не очень интересное, третьему – что-нибудь интересное, но не слишком умное. С кем-то о политике говоришь, с кем-то о рыбалке. В общем, крутишься-вертишься, зато результат получается самый положительный. Я людям приятное сделал, и они мне добром отплатили, то есть денежкой. Вот такой расклад, Захар-джан. А ты спрашиваешь, почему я решил, что у тебя что-то стряслось.

– Ладно, Каренчик, не буду тебя разочаровывать, у меня действительно проблема, но к тебе я пришёл не на трудности жаловаться, а совета спросить. Я ведь, как ты помнишь, человек военный... то есть бывший военный. Хотя я считаю, что бывших не бывает. Офицер – это пожизненно. Ну, соответственно невыездной был...

Тут Захар несколько лукавил – за время службы ему приходилось не раз бывать за границей. Правда, было это в рамках специальных операций, и за границу он попадал исключительно на борту военно-транспортного самолета в составе X-команды. Но эта информация не подлежала разглашению не только потому, что представляла собой тайну, пусть даже устаревшую. Захар вообще не любил распространяться обо всех прелестях своей былой воинской карьеры.

- А потому, – продолжал Захар, – даже не знаю, как к этому подступиться.
- К чему, Захар-джан?
- Ну, к этому... В общем, мне надо за границу попасть.
- Бежать хочешь? – нахмурился Саркисян.
- Почему бежать? – удивился Захар. – Просто хочу съездить, проветриться, так сказать, отдохнуть. Как турист, понимаешь?
- Ах, как турист! Так бы сразу и говорил! Так что же тебе мешает?
- Всё. Как это делается? Билеты, визы там всякие?
- Да очень просто. Если у тебя там друг-родственник живёт, звонишь ему, просишь приглашение прислать. Идёшь с приглашением в посольство, заполняешь анкету и через несколько дней получаешь визу.
- А если нет родственников?
- Тогда ещё проще. Идёшь в турагентство, они тебе всё сами сделают. Только дорого. Зато быстро и без хлопот. А ты куда собрался, Захар-джан? Или это секрет?
- Да какой там секрет! В Тунис.
- В Тунис? Так туда даже визы не надо. Билет купил и полетел. Только гостиницу нужно забронировать, а то мест может не быть. В любом случае, дорога тебе – в турагентство. Бери загранпаспорт и отправляйся к ним.
- А если паспорта нет?
- Как так нет? Ах да, ты же никогда не выезжал. Тут, конечно, проблема получается – паспорт долго делают. Ты когда ехать собираешься?
- Чем раньше, тем лучше.
- Тогда в том же турагентстве можно попробовать паспорт организовать. Не бойся – всё законно. Просто они через другое окошко по ускоренному тарифу делают. Но это дорого.
- Опять дорого? Сколько?
- Я не знаю. Когда у меня своё турагентство было, двести долларов стоило. А сейчас наверняка больше – цены растут, всё дорожает. Я тебе адрес дам – мои хорошие знакомые. Поезжай к ним, в лучшем виде обслужат.
- Саркисян нацарапал на клочке бумаги адрес и, передав Захару, взялся за телефон.
- Алло, Ниночка? Это Карен. Как поживаешь, дорогая? Всё хорошо? Спасибо, тоже всё в порядке... Да, конечно. Я по делу звоню. К тебе сейчас мой хороший друг приедет, Захар зовут, помоги ему с поездкой... Он сам всё расскажет... Обязательно. Я тебя целую. Пока. – Он положил трубку на журнальный столик и откинулся в кресле. – Ну, всё, Захар-джан, тебя ждут.
- Спасибо тебе, Каренчик.
- Зачем благодарить? Такой пустяк! – говорил Саркисян, провожая Захара. – Если что, приходи, не стесняйся.
- Оказавшись на лестничной клетке, Захар почему-то подумал, что Карен так и не предложил ему коньяку. Видно, та бутылка только для декорации стоит...
- Спустя час Захар уже подходил к небольшому двухэтажному зданию в центре Москвы, на фасаде которого красовалась вывеска «Агентство путешествий». Солидная дама бальзаковского возраста в строгом костюме и элегантных очках встретила его сдержанной улыбкой. Судя по всему, она на глаз определяла ценность каждого входящего в агентство клиента, сразу же подсчитывая в уме ту сумму, которую можно будет на нём заработать. Её профессионально-оценивающий взгляд бегло скользнул по одежде Захара, и лицо приняло деловито-отрешённое выражение.
- Добрый день, – низким бархатным голосом произнесла дама. – Чем могу помочь?
- Здравствуйте, я от Карена, – немного стесняясь, сказал Захар.
- Ах, от Каренчика!

Лицо дамы сразу из скучающего сделалось радостно-восторженным. В глазах вспыхнул озорной огонёк, а маленькие ушки, увенчанные крупными золотыми серёжками, слегка порозовели. Теперь уже дама казалась немного смущённой, она даже на мгновение потупила взор, но тут же снова взглянула на Захара, на этот раз – заинтересованно. Он внимательно наблюдал за этими ужимками уже не слишком молодой женщины и про себя думал: какие же такие отношения связывают с ней Каренчика? В общем-то, вопрос был отчасти риторический. Захар невольно улыбнулся.

Дама улыбнулась ему в ответ и предложила кофе. Трутень не стал отказываться. Пока Нина Аркадьевна Белоконов, старший менеджер, как следовало из таблички на её столе, наливала кофе из американской кофеварки, Захар с интересом огляделся. Ему не доводилось раньше бывать в таких заведениях, и обилие рекламных плакатов, каталогов, толстых папок с названиями разных стран вызвали у него неподдельный интерес.

– Вас, кажется, Захар зовут? – улыбнулась Нина Аркадьевна, или Ниночка, как называл её Саркисян.

– Точно, – ответил Трутень.

– А меня Нина. – Она кокетливо протянула ему сложенную лодочкой ладошку. – Так чем я могу вам помочь, Захар?

– Видите ли, Нина, мне необходимо попасть в Тунис.

– В Тунис? – удивилась Нина Аркадьевна. – Зачем вам в Тунис? Уверю вас, это не самое идеальное место для отдыха. Конечно, если бы вы пришли не от Каренчика, я бы вас разубеждать не стала. Хотите в Африку – пожалуйста. Но, поверьте мне, в Турции за те же деньги можно получить гораздо больше. Там и пляжи лучше, и кормят вкуснее. И нет этих приставучих торговцев. Я понимаю, вы бы захотели съездить в Египет, на пирамиды посмотреть. Ради этого можно и потерпеть некоторые, так сказать, неудобства. Но в Тунисе даже смотреть нечего: развалины Карфагена да пустыня. Нет, я вам искренне не рекомендую эту страну. Давайте лучше посмотрим Турцию.

Захар терпеливо ждал, пока она завершит свой монолог и, натужено улыбнувшись, сказал:

– Спасибо, конечно, за заботу, Нина. Но мне нужно именно в Тунис, в ту самую, как вы говорите, пустыню.

– Ну, хорошо, – пожала плечами Нина. – Воля ваша. Моё дело помочь организовать вам отдых там, где вы этого желаете. На каком курорте хотите остановиться? – Она протянула ему каталог, услужливо раскрыв на нужной странице. – Сусс, Хаммамет? Я бы рекомендовала Хаммамет, там...

– А где дешевле? – перебил её Захар.

На мгновение физиономия Нины Аркадьевны сделалась кислой, но она сразу же взяла себя в руки и вновь надела на лицо лёгкое подобие улыбки.

– В таком случае, – сказала она, – рекомендую обратить внимание на Монастир. Там, конечно, условия не ахти, зато недорого, и аэропорт рядом, трансфер почти ничего не стоит.

– Я согласен, – сразу же ответил Захар.

– Как? Вы даже не посмотрите? – изумилась Нина Аркадьевна.

– Вы сами подберите мне на свой вкус.

– Ну, я не знаю... Две звезды, наверное, вообще рассматривать не стоит. Вот, посмотрите: трёхзвёздочный отель, вполне приличный. – Она ткнула безупречным маникюром в неброскую картинку.

– Идёт, – не раздумывая сказал Захар.

– Хорошо, – пожала плечами Нина Аркадьевна. – Вылет туда по четвергам. Вы когда планируете?

– Чем скорее, тем лучше. Что для этого нужно?

– Да, собственно, только паспорт. Заграничный.

– Вот его-то у меня как раз нет, – виновато потупился Захар.

Нина Аркадьевна вскинула тонкие ниточки бровей и удивлённо уставилась на него.

– Но Карен говорил, вы можете с этим помочь, – продолжал он.

– Помочь, конечно, можем, – замялась Нина Аркадьевна. – Только... только это довольно дорого, а вы, как я понимаю, особо средствами не располагаете.

– Сколько? – Захар пристально посмотрел ей в глаза.

– Если по самому быстрому тарифу – сорок пять тысяч. И то это займёт как минимум десять дней.

– Сколько?! – Трутень чуть не подпрыгнул.

– А самый дешёвый, – торопливо продолжала Нина Аркадьевна, – пятнадцать тысяч. Но это – целый месяц.

– Спасибо. Я должен подумать, – заторопился Захар. – Я... я к вам вернусь, – бросил он уже в дверях.

«Сорок пять тысяч! – сокрушался Захар, оказавшись на улице. – За какой-то паспорт! Они там что, охренели?»

Итак, главная проблема на сегодня – паспорт. Но разве это должно быть проблемой для него, боевого офицера, прошедшего огонь и воду? Зря он, что ли, отдал столько лет своей жизни Родине? Пускай теперь Родина поможет ему. Под Родиной он имел в виду старого сослуживца, а ныне большую шишку в генштабе, генерала Бориса Лупанова. Борю. С которым они вместе начинали когда-то службу зелёными лейтенантиками, и который потом неожиданно резко пошёл в гору, обскакав своего товарища, и добрался до недостижимых для большинства смертных высот. Уж Боря-то должен ему помочь!

– Здорово, генерал! – рявкнул он в трубку таксофона.

– Захар?

– Узнал, бродяга!

– Как не узнать? Всё тот же командирский голос и пренебрежение к старшим по званию, – усмехнулся Лупанов.

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант, никакого пренебрежения, – нарочито серьёзным тоном отрапортовал Захар.

– Ой ли? Захар, а то я тебя не знаю! Ты же никогда промолчать не мог, всё время что-нибудь да ляпнешь. С твоим талантом военного ты бы раньше меня генералом стал. Только твой язык без костей тебя подвёл.

– Нет, Боря, – возразил Захар, – генерал – это не для меня. Я уже своё отвоевал.

– Неужели я это слышу от тебя?

– Точно. Я теперь скромный пенсионер, пытающийся зарабатывать себе на масло, ибо пенсии хватает только на хлеб.

– Ну и как, получается?

– Не очень. Но это ерунда. Я тебя по другому поводу беспокою. Со своей трудовой деятельностью я уж как-нибудь сам разберусь. Мне помощь иного рода нужна.

– Говори.

– Не по телефону. Мы можем с тобой где-нибудь встретиться?

– Дай сообразить... Слушай, я через полчаса селектор провожу, а потом мне надо на один объект с неожиданной проверкой нагрянуть. Так я могу пораньше выехать, и мы с тобой по дороге где-нибудь пересечёмся. Скажем, в четырнадцать ноль-ноль. Ты где сейчас?

– На Тверской, около Центрального Телеграфа.

– Отлично! Как насчёт нашего любимого кафе, помнишь там, на другой стороне улицы, почти напротив? Ты как?

– Оно ещё функционирует? – удивился Захар. – Конечно, давай.

За пять минут до назначенного времени Захар стоял у входа в кафе и нетерпеливо всматривался в проезжающие мимо автомобили. Генерал появился ровно в два, минута в минуту.

– Как всегда точен! – похвалил Захар.

– Привычка, – пожал плечами Лупанов, захлопывая дверцу автомобиля.

– Ты всё на «Волге», – кивнул Захар. – А я, признаться, боялся, вдруг не узнаю тебя. Вдруг ты уже на «Мерседесе» разъезжаешь?

– Да куда же мне от нашего отечественного автопрома? – вздохнул Лупанов.

– Так их же вроде как уже и не выпускают.

– Не выпускают. Но мне моя старушка дорога, жалко расставаться. Поезжу ещё.

Они вошли в кафе и заняли столик у окна.

– Ну, что у тебя, конспиратор, выкладывай, – сказал Лупанов, когда они заказали по чашке кофе.

– Борь, мне срочно нужен загранпаспорт.

– Хм! – поморщился Лупанов. – За кордон намылился?

– Тут такое дело... В общем, мне нужно ненадолго за границу смотаться, а с этими паспортами жуткая волокита! Я думал через турфирму организовать, но они такую цену заломили... В ОВИРе, или как он там теперь называется, вообще, небось, не дожدهшься. А мне срочно надо.

– Ты же только два года как уволился. Тебе ещё год невыездным быть! В какую за границу ты собрался? Что ты там потерял?

– Борис, – перешёл на официальный тон Захар, – если бы мне не было позарез нужно, я бы к тебе с такой просьбой никогда не обратился. Но у меня безвыходное положение.

– Захар, – мрачно вздохнул генерал, – ты бы знал, какие у нас сейчас дела творятся. Чистка за чисткой. За каждым шагом следят. Только и ждут, что ты где-нибудь оступишься, сделаешь что-нибудь недозволенное. Тут же сожрут с потрохами. Ты ведь прекрасно понимаешь, что, если я попытаюсь организовать тебе этот чёртов паспорт, это не останется незамеченным. А если узнают, что я закрыл глаза на то, что ты невыездной... я тоже стану пенсионером. А я к этой роли ещё не готов. Извини. – Лупанов залпом выпил кофе и поднялся. – Всё, пора – служба. Будь здоров, и привет Евдокии.

Он быстро вышел из кафе. Захар запоздало махнул ему рукой и уставился на недопитый кофе. Да, похоже, без денег никак не обойтись...

Глава 3

Расплатившись, Захар вышел на улицу, и некоторое время стоял в нерешительности, рассеянно глядя на праздничношагающих прохожих. Вроде бы будний день, почему они не работают? Если у нас так много бездельников, как государство до сих пор выживает? И на какие средства существуют все эти тунеядцы? Неужели все они – богатые наследники, для которых забота о хлебе насущном давно перестала быть одной из целей в жизни? Да, стало быть, обеспеченный у нас народ, никакие кризисы и потрясения ему не страшны. И всё же встречаются ещё чудачки, вынужденные считать, если не каждую копейку, то, по крайней мере, каждый рубль. Вот хотя бы как Захар. А ведь когда-то полковник Захар Трутень был весьма влиятельным человеком. Только почему-то пользоваться этой влиятельностью в собственных интересах совесть не позволяла. Помочь кому-то справиться с трудновыполнимой задачей, уберечь от беды, от голода, как говорится, и от холода – это он завсегда. А выхлопотать хоть малую толику выгоды для себя – нет! Позор! Неблагородно! Даже подло!..

А вот другие не гнушались и всюю пользовались добротой Захара, и даже преуспевали в дальнейшем именно с его подачи. Как, например, Фёдор, который когда-то, будучи на грани разорения, приполз к нему на коленях с мольбой о помощи. Захар, не раздумывая, снял трубку телефона, переговорил с нужными людьми и организовал для Фёдора подряд на строительство нового военного городка. С того дня фирма Фёдора резко пошла в гору и теперь стала одним из ведущих застройщиков в Центральном Федеральном округе.

Не любил Захар просить о помощи. Ох, не любил! Но жизнь загнала его в тупик, и предстояло выбирать: либо перешагнуть через себя, либо потерять жену. Каким бы гордым он не был, Захар выбрал первое.

Отыскав в записной книжке номер Фёдора, он подошёл к телефону-автомату.

– Здравствуй, Фёдор. Захар Трутень беспокоит. Помнишь такого?

– Захар? Как же, как же! Сколько лет... Как поживает наш бравый полковник? Поди, до генерала дослужился?

– Не угадал. На пенсии я.

– На пенсии? – голос Фёдора сразу сник.

– Ну да. Отдал Родине сполна. Теперь вот Родина меня подкармливает. Слушай, Фёдор, я к тебе по делу. Мне надо с тобой встретиться.

– Ну, я так прямо сразу не готов, Захар. Столько дел, знаешь ли. Давай-ка я тебе перезвоню через полчаса. У тебя какой номер?

– У меня никакого, я на улице.

– Мобильный?

– Нет у меня мобильного, я из автомата звоню.

– Как? Да, старик, ну ты отстал от жизни!

Захар усмехнулся: как быстро меняются люди! Раньше Фёдор ни за что бы не позволил себе назвать Захара «стариком», он обращался к нему не иначе как по имени-отчеству. А сейчас, небось, и отчество-то его не помнит. Да, меняются времена – меняются люди.

– Хорошо, – подумав, сказал Фёдор, – давай встретимся с тобой в «Кофемании» на Большой Никитской в двенадцать. У меня будет полчаса. Идёт?

– Идёт, – ответил Захар. – До встречи.

Он повесил трубку и вздохнул с облегчением. На часах было одиннадцать двадцать пять. Захар стоял на Тверской, и до Большой Никитской отсюда рукой подать. Главное, Фёдор согласился с ним встретиться и уж точно не откажет ему. Нет, просто так просить денег Захар не собирался – только в долг. Хотя и на значительный срок. На поездку ему нужно эдак тысяч

сто, с учётом дурацкого паспорта. А что такое для Фёдора сто тысяч? Он сейчас, наверное, сотнями миллионов ворочает.

Захар не спеша дошёл до Большой Никитской, покрутился у памятника Чайковскому возле консерватории и в назначенное время подошёл к входу в «Кофеманию». Фёдор появился спустя десять минут – подкатил на роскошном «Мерседесе» с водителем.

Они уселись на открытой террасе. Захар заказал чашку чёрного чая, а Фёдор взял Ирландский кофе и шоколадные трюфели.

– Ну, я тебя слушаю, – сказал Фёдор, напряжённо глядя исподлобья на бывшего полковника.

– Я тянуть не буду, Фёдор, – начал Захар. – Мне нужны деньги. В долг. Сумма не слишком большая, но, учитывая моё нынешнее положение, вернуть долг я смогу только через два года.

– М-да. – Фёдор почесал макушку.

Случилось то, чего он ожидал и чего опасался. Больше всего на свете он не любил давать деньги в долг. Многие его знакомые погорели на своей доброте, ссужая средства не слишком благонадёжным должникам. Фёдор этого всячески избегал и в результате приобрёл репутацию закоренелого скряги. Но это его нисколько не смущало. Зато все деньги до копейки были в целостности и сохранности. Он сам решал, когда и куда их вкладывать и избежал неприятной зависимости от несостоятельных заёмщиков. Вот и сейчас он весь подобрался, ошетинился, вставая на защиту своего капитала. Фёдора совершенно не волновало, что именно Захар в своё время способствовал его процветанию. Деньги-то он сам зарабатывал, рассуждал Фёдор. Так что в том только его, Фёдора, заслуга, и больше ничья. Однако какие-то остатки совести всё же щекотали изнутри, где-то очень-очень глубоко и не слишком назойливо. Ладно, если попросит тысячу долларов, дам, пожалуй, решил Фёдор. Но ни копейки больше.

– Сколько? – спросил он, пытаясь выглядеть заинтересованным, однако лицо его приняло такое кислое выражение, что Захар невольно поморщился.

– Сто тысяч, – спокойно сказал Трутень.

– Что?! – Фёдор чуть не подскочил. – Ты что, старик, совсем сбрендил? Как ты будешь такую сумму возвращать? У тебя пенсия президентская? Да и нет у меня таких денег. Ну, сказал! Сто тысяч баксов! Это надо же!

– А кто говорил про баксы? Эх, Фёдор, ты ведь в России живёшь, давно бы уже пора отечественными категориями мерить. У нас свои деньги есть – рубли, если ты ещё не забыл. И я как российский офицер в отставке потребности свои исчисляю в рублях. Мне нужно сто тысяч рублей.

– Рублей, – буркнул Фёдор. – Так бы и говорил, что тебе деревянные нужны. Только и этого у меня нет. Единственное, чем я могу тебе помочь – десять тысяч рублей, и не больше чем на два месяца. У меня сейчас проблемы с наличностью.

– Нет, Фёдор, – покачал головой Захар, – десять тысяч меня никак не спасут. Сто – и точка.

– Ста нету, – отрезал тот. – Хоть зелёных, хоть деревянных. Хочешь, бери десять. Не хочешь... – Фёдор пожал плечами.

– Сам ты деревянный, Федя, – сказал Захар, вставая из-за стола. – Спасибо, что нашёл для меня время.

Он швырнул на стол сторублёвку и уверенным шагом направился к выходу.

– Ну ладно, Захар, сойдёмся на двадцати! – крикнул ему вслед Фёдор.

– Засунь их себе в задницу! – не оборачиваясь ответил Захар. – Извините, – кивнул он молодой официантке, вопросительно уставившейся на него.

«Сукин сын! – выругался про себя Захар. – Капиталист хренов! Ну, погоди, посмотрим ещё, куда этот капитализм тебя заведёт».

Вот Лизавету, когда за своего бизнесмена выскочила, тоже словно подменили. Была дочь как дочь. Капризная немного, непослушная, упрямая, но в меру. А тут вдруг бац! – и совсем другой человек. С родителями знаться не желает, уж не говоря о хоть какой-нибудь помощи. Живёт, кажется, в пятикомнатных апартаментах где-то в центре Москвы, адрес скрывает. Словно боится, что бедные родственники без приглашения нагрянут. Очень надо! За год единственный раз приезжала на дорогушем авто, на пять минут забежала, и то только затем, чтобы какие-то документы забрать. Даже коробку конфет матери не привезла. Когда Евдокия заболела, Захар позвонил дочери (благо, хоть номер телефона оставила), рассказал о беде. Лиза выслушала и заявила: «Ну, положи её в больницу, пусть полечат. Здравоохранение у нас бесплатное – не обеднеете».

После этого случая Захар решил, что больше никогда с дочерью разговаривать не будет. И вот теперь, когда болезнь Евдокии оказалась куда как серьёзнее, чем они предполагали, ничего не оставалось, как вновь обратиться за помощью к Лизе.

– Пап, ты в своём уме? – закричала она в трубку, когда Захар изложил свою просьбу. – Какие сто тысяч? Ты думаешь, я тут на мешках с золотом сижу? Зачем тебе такие деньжищи?

– Мне срочно нужно съездить в одно место, – спокойно отвечал Захар.

– Ты случайно не заболел? Какое такое место? И при чём здесь мамина болезнь?

– Из ума я ещё не выжил и абсолютно здоров. Если говорю, что надо, значит – надо. С каких это пор я должен...

– А если я говорю, что у меня нет денег, значит – нет! – перебила его Лиза. – И заканчивай мне тут свои штучки, я уже не маленькая девочка. Мне некогда, у меня куча дел. Всё. Пока.

Захар некоторое время озадаченно глядел на чёрную телефонную трубку, из которой доносились монотонные гудки, и, вздохнув, повесил её на рычаг. Ему страшно захотелось врезать по телефону кулаком, но он сдержался. Тем более что телефонов-автоматов нынче осталось совсем мало. Все ходят с этими мобильными трубками. Захар представил, как в недалёком будущем уже и мобильники будет лень с собой таскать. Придумают какие-нибудь микротелефоны, которые будут вживляться прямо в мозг. Надо тебе с кем-то поговорить – подумал и дозвонился до нужного абонента, точнее, до его мозга. Да уж, все скоро в роботов превратимся: ни души, ни совести, ни ответственности. Половина нынешней молодёжи уже и так, словно ходячие машины: подзаправятся какой-нибудь гадостью, вроде гамбургеров, и давай трещать по телефону. Что такое современный среднестатистический молодой человек? В одном ухе телефон, в другом музыка бухает. Одной рукой в какую-то бестолковую игру режется, а другой обнимает какое-то чудо-юдо, железками увешанное: кольца в бровях, в носу и даже на языке. Тьфу!..

Захар медленно брёл по Никитскому переулку обратно в сторону Тверской. На душе было погано. Нет, погано – это не то слово. На душе было мерзко, липко и гнусно. Что же это получается? Что случилось с людьми, с теми милыми, добрыми людьми, которых знал много лет, друзьями, близкими? Почему так сильно изменились они? Что заставило их превратиться в холодных, бессердечных существ, не ведающих ни благодарности, ни порядочности, ни долга. Они забыли простые общечеловеческие ценности, их выхолощенное сознание растеряло остатки совести, в их сердцах не осталось места для любви, уважения, сострадания. Не на кого положиться, не от кого ждать помощи. Протянутая рука означает лишь то, что её обладатель пытается урвать что-то для себя и готов ради этой цели стащить с тебя последнюю рубашку. Деньги правят умами. При этом денег, оказывается, нет ни у кого. Получается, деньги правят исподтишка, прячась за неприступными стенами холодных человеческих душ.

Захар остановился около входа в какое-то заведение, бар или ресторан, расположенное в полуподвале. Воздух наполняли возбуждающие аппетит запахи. Подумав, он спустился по лесенке и вошёл в довольно просторный зал, где в полумраке под громкую музыку шумно беседовали сидевшие за столиками немногочисленные посетители. Публика, судя по одежде,

разношёрстная: молодёжь, дельцы, которых нынче именуют бизнесменами, расфуфыренные девицы, род занятий которых Захар определил бы ёмким непечатным словом.

Трутень присел за свободный столик и заказал пива. Он редко позволял себе подобные вольности. Пиво он любил, но употреблял его только дома, купленное, естественно, в магазине. Он даже не удивился, заметив, что здесь оно стоит раза в три дороже. Или даже в четыре. При других обстоятельствах он, конечно, сразу обратил бы на это внимание и, скорее всего, плюнув и обозвав ни в чём не повинных официантов дармоедами, покинул заведение. Но сейчас он был слишком погружён в свои мысли. Ему нужно было что-то придумать, найти выход из тупика, какую-нибудь ниточку, которая приведёт его к единственно правильному решению. И тогда он сможет помочь Евдокии, спасёт свою дорогую жену. Захар пил медленно, маленькими глотками, тщательно прислушиваясь к себе, будто каждый глоток мог каким-то чудесным образом подсказать ему выход из столь затруднительного положения.

Пива в бокале уже оставалось на доньшке, а он так ничего и не придумал. Впору было впадать в отчаяние.

– Захар Николаевич? Товарищ майор?

– Полковник. – Захар медленно поднял взгляд.

– Виноват. Вы меня не узнаете?

Трутень немного прищурился, вглядываясь в знакомые черты, слегка скрадываемые полумраком заведения, потом нахмурился, будто роясь где-то глубоко в памяти, и наконец просветлел. Слабая улыбка немного разгладила суровость лица, глаза вспыхнули и заискрились.

– Дамир! – Захар поднялся и обнял стройного черноволосого, с седыми висками, мужчину неопределённого возраста, одетого в тёмный костюм, без галстука. – Какими судьбами?

– Это я у вас должен спросить, – улыбаясь в ответ, сказал Дамир. – Вы позволите?

– Конечно, садись, капитан. Или уже?..

– Простите, что назвал вас майором, – словно игнорируя вопрос, отвечал Дамир. – Значит, уже полковник?

– Бывший, – поправил Захар. – Уже два года как уволился.

– Да вы что! А я был абсолютно уверен, что вы где-нибудь в генштабе или в министерстве.

– Ладно заливать! Будто ты меня не знаешь.

– Знаю, – вздохнул Дамир. – Вы начальству зад лизать никогда не любили. Стало быть, выдвинули на пенсию?

– Да нет, я сам ушёл.

– Без повода?

– Ну... был, конечно, повод.

– Понятно, – кивнул Дамир.

Он подозвал официанта и попросил принести триста граммов водки, две рюмки и закуски.

– Ты что, я не... – попытался было отказаться Захар.

– Неужели вы откажете мне в удовольствии угостить вас, Захар Николаевич. Мы же с вами столько лет не виделись!

– Нет, конечно, – смущённо пробормотал Захар. – Просто...

– Я угощаю, – понимающе кивнул Дамир. – И возражений не принимаю.

Они выпили за встречу, потом, по старой традиции, за павших товарищей, коих вместе насчитали более двух десятков.

– Да-а, – протянул Захар, – а вот так и не подумаешь, что в мирное время можно столько народу потерять.

– Это для общества время мирное, Захар Николаевич. Мы-то с вами знаем, что во многих точках, где нам довелось побывать, миром и не пахло. Разве не так?

– Да, ты прав, – согласился Захар. – Мир – это зачастую иллюзия, создаваемая политиками и средствами массовой информации. А на самом деле, войны, пусть и не масштабные, бушуют постоянно в разных уголках планеты. Одни государства специально разжигают их, подливая масло в тлеющие конфликты, потому что знают, как много сумеют заработать на этих войнах, а другие, словно пожарные, вынуждены посылать своих людей за тридевять земель, чтобы тушить эти вспышки и стараться хоть как-то избежать массовой гибели людей.

– Да, Захар Николаевич, – улыбнулся Дамир, – вы ещё не растратили свои способности политагитатора.

– Какая к чёрту агитация! Это же и так всё ясно как божий день: кому-то война нужна для укрепления политического влияния, кому-то – для поправки финансового здоровья. Власть и деньги – вот единственные поводы для войны. Ты когда-нибудь слышал, чтобы воевали просто так, для удовольствия?

– Выходит, по-вашему, и мы, то есть, наша страна, вступая в те или иные конфликты, действует исключительно в интересах власти и денег?

– Выходит, что так, – развёл руками Захар. – Хотя я по-прежнему верю в простое человеческое начало, и понятие «интернациональный долг» для меня не пустой звук.

– Я тоже верю, – сказал Дамир. – Верю в правоту и добрые намерения нашего государства. Верю, потому что знаю: несмотря ни на какие ошибки и промахи, несмотря на преступные выходки некоторых людей, общая концепция на создание мира во всём мире доминирует, и мы добьёмся этого рано или поздно.

– Ты по-прежнему служишь? – сощурился Захар.

– Да.

– Но не в армии?

Дамир не ответил.

– Значит, ты работаешь на правительство? – усмехнулся Захар, припомнив шаблонную фразу из американских боевиков.

– Я работаю на государство, – делая акцент на каждом слове, произнёс Дамир.

– На какое?

– На наше.

– Что же это за государство такое, которое бросает на произвол судьбы тех, кто отдал ему лучшие годы своей жизни? – в сердцах воскликнул Захар. – Тех, кто служил ему верой и правдой! Они больше не нужны этому государству, оно списало их в утиль!

– У вас что-то произошло? – тихо спросил Дамир.

Захар молча наполнил рюмку и выпил.

– Расскажите, Захар Николаевич.

– Нечего рассказывать, – буркнул тот.

– И всё же? – настаивал Дамир. – Поверьте, вы не совсем справедливы к государству. Я знаю, многое ещё предстоит исправить, но мы стараемся. Если у вас что-то случилось, позвольте мне помочь вам.

– Это ты от лица государства говоришь или от себя лично?

– И то, и другое.

– Нет, Дамир, от государства мне уже ничего не надо. А от тебя я бы, конечно, помощь принял, но, боюсь, ты тоже помочь не сможешь.

– Дайте мне хотя бы попытаться.

– Евдокия, жена моя, тяжело заболела, – вздохнул Захар. – Врачи говорят, что помочь ей уже ничем нельзя, разве что чудо. Вот я и подумал...

– Роза пустыни, – прошептал Дамир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.